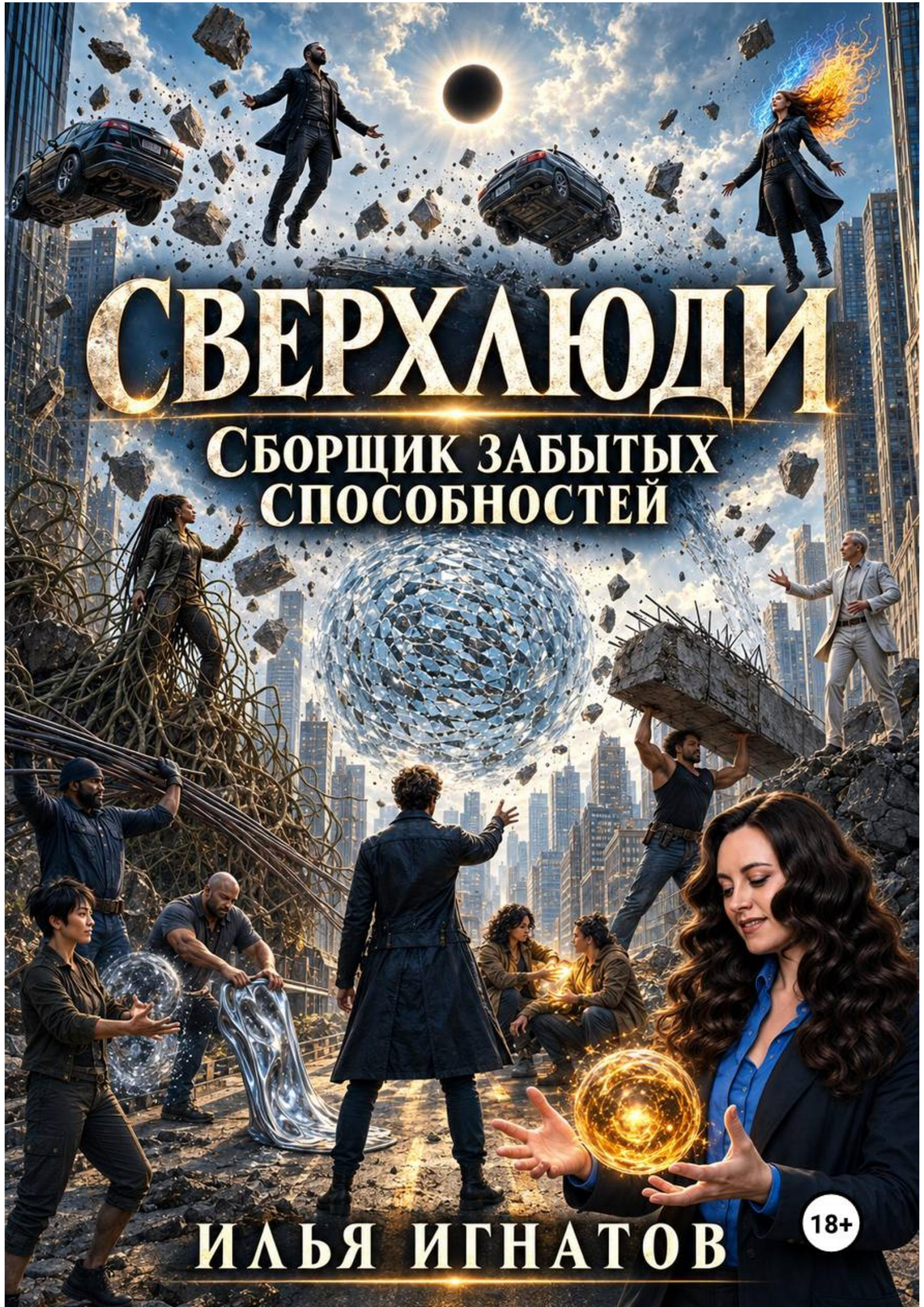

A movie poster for the Russian film 'Сборщик забытых способностей' (The Gifted). The scene is set in a city with a destroyed skyline. In the center, a large, glowing, crystalline sphere floats in the air. Several characters are shown using their powers: a man floats in the sky with debris around him; a woman floats with fire and lightning; a woman on the left manipulates thick, brown roots; a man on the right lifts a large concrete slab; a man in the foreground holds a glowing orange sphere; and others are shown manipulating energy or objects. The title 'СВЕРХЛЮДИ' is written in large, golden, stylized letters at the top, and 'СБОРЩИК ЗАБЫТЫХ СПОСОБНОСТЕЙ' is written in smaller, white, stylized letters below it. The name 'ИЛЬЯ ИГНАТОВ' is at the bottom, and an '18+' rating is in the bottom right corner.

СВЕРХЛЮДИ

СБОРЩИК ЗАБЫТЫХ
СПОСОБНОСТЕЙ

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

18+

Илья Игнатов

**Сверхлюди. Сборщик
забытых способностей**

«Автор»

2026

Игнатов И.

Сверхлюди. Сборщик забытых способностей / И. Игнатов —
«Автор», 2026

Люди умирают, пока сверхлюди выбирают ракурс. Они могут остановить падение пассажирского лайнера, рассыпать бетон прикосновением и перенести раны в чужое тело. Под плитой ещё кто-то кричит. Герой стоит рядом. Камера ещё не готова. Дары питаются вниманием. Страх работает не хуже любви. Трупы вырезают из репортажей, а настоящих спасателей объявляют виновниками катастроф. Восемь лет аварийный техник Игни Рид считался «нулевым». Пока старая фляга не передала ему чужую способность. Теперь он — Сборщик: сохраняет забытые дары и соединяет их. В его руках топливо становится пивом, а карман вмещает взрыв. Вместе с силами приходят чужие воспоминания — о крови, которую оставили за кадром великих спасений. Пантеон готовит катастрофу перед ста двадцатью тысячами зрителей. Заряды установлены. Выходы перекрыты. Роли спасителей распределены. Допустимое число погибших согласовано. Игни придётся сорвать спасение, ради которого сверхлюди готовы убивать.

© Игнатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог Шестьдесят семь секунд	6
Глава 1 Нулевой	10
Глава 2 Пустая фляга	15
Глава 3 Вечер	20
Глава 4 Эхо	26
Глава 5 Горючее	35
Глава 6 Протокол	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Илья Игнатов
Сверхлюди. Сборщик
забытых способностей

Сверхлюди

Сборщик забытых способностей

Илья Игнатов

Роман · Книга первая

18+

Пролог Шестьдесят семь секунд

18 октября 2027 года

Второе солнце появилось в 11:42.

Игни Рид сидел на корточках перед открытым шкафом дорожного контроллера и пытался выяснить, почему светофор на пересечении Бейкер-стрит и Девятой уже третий раз за неделю показывал зелёный сразу всем.

Он был в Грейхейвене всего второй месяц и пока не успел привыкнуть к тому, что этот город ломался сложнее любого другого. Здесь вода добиралась до кабелей с океанским упрямством, мосты начинали дрожать без ветра, а старые трамвайные линии продолжали фонить током там, где рельсы сняли двадцать лет назад.

Контроллер выглядел исправным.

Это раздражало сильнее всего.

Игни зажал фонарик плечом, дотянулся щупом до нужного контакта и услышал, как за спиной одновременно засигналили несколько машин.

— Да вижу я, — сказал он светофору.

Сигналы не прекратились. К ним добавились крики.

Игни выпрямился и ударился затылком о металлическую дверцу. Фонарик упал внутрь шкафа. Он выругался, отступил на тротуар и сначала посмотрел на перекрёсток.

Машины стояли. Все четыре потока. Водители выходили, оставляя двери открытыми. Курьер на велосипеде врезался передним колесом в бордюр, но даже не попытался подняться. Он сидел на асфальте и смотрел вверх.

Игни тоже поднял голову.

Чёрный диск висел рядом с солнцем.

Он не закрывал его, как при затмении, и не наползал на светлый край. Появился отдельно — идеально круглый, матовый, настолько тёмный, что на него было больнее смотреть, чем на обычное солнце.

Между двумя дисками оставалось расстояние примерно в две ладони, если вытянуть руку.

Белое солнце продолжало сиять. Чёрное словно забирало у неба саму возможность отражать свет. Вокруг него не было ни ореола, ни облаков, ни дрожания воздуха. Только ровный круг и тонкая серебристая кайма.

Кто-то рядом произнёс:

— Это реклама?

Вопрос прозвучал почти разумно. В Грейхейвене уже запускали дроны, рисовавшие логотипы на облаках, а однажды натянули рекламное полотно между двумя вертолётами. Но сейчас над городом не было слышно винтов. Чайки над крышами исчезли. Даже ветер с залива будто пропустил вдох.

Игни достал телефон.

Экран показал обычное голубое небо и белое солнце. Чёрного диска на записи не было.

Он опустил телефон. Диск оставался на месте.

Люди вокруг делали то же самое: смотрели в экран, потом вверх, снова в экран. У некоторых телефоны выпадали из рук.

На другой стороне улицы женщина в деловом костюме опустилась на колени перед мальчиком лет шести и закрыла ему глаза ладонями. Мальчик вырывался и требовал дать посмотреть.

— Не надо, — повторяла женщина. — Не смотри на него. Пожалуйста, не смотри.

Она не могла знать, почему этого делать не надо.

Никто тогда не мог.

Игни смотрел.

Позже он много раз пытался вспомнить, что именно почувствовал. Страх пришёл не сразу. Сначала было раздражение от невозможности понять увиденное. Потом появилась тяжесть в зубах, как возле работающего трансформатора. Ещё через несколько секунд ему показалось, что город вокруг стал плоским, нарисованным на огромном листе, а настоящим осталось только чёрное солнце.

На сорок первой секунде у женщины напротив вспыхнули волосы.

Огонь прошёл от корней к кончикам, яркий и голубой. Она закричала и принялась бить себя ладонями по голове. Пламя не обжигало кожу. Оно поднялось над ней на полметра, послушно повторяя каждое движение.

Толпа отшатнулась.

Кто-то бросился к женщине с курткой. Мужчина накрыл ей голову, и ткань загорелась обычным оранжевым пламенем. Он вскрикнул, отдернул руки. Женщина продолжала стоять на коленях, окружённая голубым огнём, который не причинял ей вреда и поджигал всё остальное.

На сорок восьмой секунде белый фургон службы доставки поднялся над дорогой.

Сначала на дюйм. Потом выше.

Водитель, всё ещё стоявший у открытой двери, вцепился в ручку и повис на ней. Фургон медленно перевернулся, словно его опустили в невидимую воду. Коробки посыпались из кузова. Люди побежали, хотя машина двигалась почти беззвучно.

Игни не побежал. Он смотрел то на женщину с огненными волосами, то на фургон, то на чёрный диск.

Он уже понимал, что эти события связаны.

Не понимал только как.

В трёхстах милях от побережья рыболовецкий траулер «Мерси Белл» шёл на север за косяком сельди, пропавшим с экранов сонара ещё ночью.

Хэнк Моран увидел второе солнце с кормы. Он стоял у лебёдки, придерживая одной рукой жёлтый капюшон, и смотрел на чёрный круг до тех пор, пока капитан не заорал, чтобы все убрались внутрь.

Хэнк хотел послушаться, но море под судном изменило цвет.

Сначала ему показалось, что из глубины поднимается тень. Она росла, расползалась во все стороны, а потом поверхность закипела серебром.

Миллионы сельдей всплыли одновременно.

Рыба окружила траулер плотным кольцом. Косяк был таким большим, что край воды казался металлическим. Сельди двигались не по течению и не от хищника. Они поворачивали вслед за рукой Хэнка.

Он медленно провёл ладонью слева направо.

Море послушалось.

— Хэнк, — сказал кто-то за его спиной. — Что ты делаешь?

Хэнк не знал.

Но впервые за двадцать семь лет в море он точно знал, где находится каждая сельдь в радиусе нескольких миль.

И каждая из них знала, где находится он.

На музыкальном фестивале в Аризоне Джулия Уоррен держала над головой бумажный стакан с водой.

Она приехала туда не выступать. Её имя не было напечатано ни на одном плакате. Джулия продавала браслеты у западного входа и собиралась уволиться сразу после выплаты за смену.

Когда люди заметили чёрное солнце, музыка оборвалась не сразу. Бас продолжал бить ещё несколько секунд, пока диджей не отошёл от пульта. Сорок тысяч человек смотрели вверх.

Джулия почувствовала запах солода.

Вода в стакане потемнела. На поверхности поднялась пена.

Парень рядом выхватил стакан, попробовал и закричал:

— Она сделала пиво!

Несколько человек рассмеялись. Потом к Джулии потянулись десятки рук с бутылками, банками и пластиковыми канистрами.

— Сделай ещё!

Она взяла первую бутылку.

Толпа начала скандировать раньше, чем Джулия поняла, что именно сделала.

В Нью-Йорке Натан Вейл находился на крыше строящегося финансового центра.

Через шесть лет его лицо будут печатать на школьных рюкзаках, военных плакатах и сувенирных банкнотах. Его станут называть Первым, хотя первым он не был ни по времени, ни по силе, ни по количеству спасённых.

Но в ту минуту Натан был тридцатилетним руководителем инвестиционного фонда, приехавшим проверить объект, которым владела одна из его компаний.

Когда чёрное солнце появилось над городом, он подошёл к временному ограждению.

На пятьдесят четвёртой секунде лопнул трос башенного крана.

Двадцатитонная бетонная секция пошла вниз. Под ней находилась платформа с рабочими.

Люди закричали.

Натан вытянул руку.

Секция остановилась.

Не резко. Она словно забыла, что должна весить двадцать тонн. Бетон медленно повернулся в воздухе. Оборванный трос поднялся следом, изгибаясь к небу.

Рабочие на платформе смотрели на Натана.

Их взгляды что-то изменили.

Секция стала легче.

Натан сделал шаг к краю и сам оторвался от крыши.

Страх на его лице не было. Только сосредоточенность человека, обнаружившего новый рынок раньше остальных.

На шестьдесят седьмой секунде чёрный диск исчез.

Не погас и не растворился. Небо просто снова стало пустым.

Белый фургон рухнул на крышу. Стёкла разлетелись по перекрёстку. Женщина с голубым пламенем в волосах осела на асфальт. Светофор, который Игни пытался починить, переключился на красный во всех направлениях.

Ветер вернулся.

Чайки закричали над заливом.

Телефоны один за другим начали звонить.

Игни стоял посреди дороги и ждал, что случится с ним.

Он проверил руки. Сжал пальцы. Поднял с асфальта отвёртку и зачем-то попробовал согнуть её. Потом посмотрел на лужу у бордюра, на разбитый фургон, на собственную тень.

Ничего.

За следующие сутки в мире регистрируют больше двенадцати миллионов необъяснимых происшествий. Через неделю правительства впервые произнесут слово «одарённые».

Через месяц появятся агентства, покупающие права на имена и лица людей со способностями.

Через год начнут составлять глобальные рейтинги.

Но тогда, на перекрёстке Бейкер-стрит и Девятой, Игни ещё ничего этого не знал.

Он знал только, что все вокруг получили невозможное.

А он — нет.

Глава 1 Нулевой

Восемь лет спустя. 11 октября 2035 года

К восьмой годовщине чёрного солнца город украсили лицами людей, которым и без того принадлежало слишком много стен.

Первый смотрел с фасада финансового центра. Его изображение занимало тридцать этажей: спокойное лицо, белый костюм, ладонь поднята над Грейхейвеном. Под ладонью висел пассажирский лайнер. Мелкая надпись сообщала, что часы на его запястье можно приобрести в любом магазине сети «Вектор Тайм».

Пародист улыбался с остановок сразу десятью разными лицами. Контур рекламировал страхование недвижимости. Феникс обещал вечером прыгнуть без парашюта с новой башни «Каскад» и предлагал зрителям заранее угадать, сколько костей он сломает.

На экране над портовой эстакадой шёл обратный отсчёт.

«РАСПАД — 12,81».

«ПАРОДИСТ — 12,79».

Разница между вторым и третьим местом составляла меньше аудитории одного утреннего шоу.

Игни проехал под экраном на белом фургоне городской аварийной службы. На дверце под гербом Грейхейвена отслоилась буква G, и надпись теперь начиналась с «рейхейвен». Заявку на новую плёнку отправили ещё весной, но город считал, что раз фургон продолжает ездить, проблема не относится к срочным.

На пассажирском сиденье лежал планшет с открытым нарядом:

«СЕКТОР Н-14. СИГНАЛ РАССИНХРОНИЗАЦИИ ПОДЪЁМНОГО МОСТА. ВОЗМОЖНАЯ НЕИСПРАВНОСТЬ ДАТЧИКА ПОЛОЖЕНИЯ».

Под ним красным мигало предупреждение:

«НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ В РАБОТУ ОДАРЁННЫХ ПОДРЯДЧИКОВ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ КООРДИНАТОРА».

Игни закрыл предупреждение.

Система тут же показала его снова.

— Я понял, — сказал он планшету. — Не мешать людям, которым платят в десять раз больше.

Утро было холодным и ясным. За складами блеснул залив. Контейнерные краны стояли над портом, похожие на длинноногих птиц. Между ними двигались грузовые платформы, тягачи и двое одарённых в оранжевых жилетах.

Один из них шёл рядом с контейнером и держал ладонь на ржавом металле. Сорокатонная коробка плыла за ним в нескольких дюймах над бетоном. На спине рабочего было напечатано название частной компании и номер лицензии. Ни камер, ни зрителей рядом не было. Человек выглядел уставшим и постоянно поглядывал на часы.

Полезные способности давно перестали казаться чудом. Они стали услугой с почасовой оплатой, страховкой и обязательным техосмотром.

Игни свернул к мосту Харбор-Лифт и остановился возле технической будки. Мост был разведён, хотя судов поблизости не было. На обоих берегах уже скопились машины. Водители сигналили с таким упорством, будто механизм мог устыдиться.

Перед шлагбаумом стояла телевизионная машина. Молодая корреспондентка говорила в камеру на фоне поднятых пролётов.

— ...городские власти пока не подтверждают вмешательство одарённого. Напомним, что через неделю исполнится восемь лет с момента появления второго солнца. Вечером Пантеон

объявит обновлённый состав глобального Топ-10. По прогнозам аналитиков, Пародист впервые может занять вторую позицию...

Игни прошёл за её спиной с ящиком инструментов.

Корреспондентка на секунду повернула голову, оценила его куртку с муниципальной эмблемой и снова посмотрела в объектив.

— ...даже несколько часов повышенного внимания способны изменить возможности участников рейтинга. Представители Распада пока не комментируют падение индекса...

В технической будке пахло горячей изоляцией и морской солью. Оператор моста, седой мужчина по имени Бен, стоял у панели с кружкой кофе.

— Датчик показывает, что западный замок открыт, — сказал он. — Камера показывает, что закрыт. Я дал команду на подъём, а потом система решила, что мы пытаемся разорвать мост пополам.

— Хорошо, что система хоть иногда думает.

— Она вызвала подрядчика Контура.

Игни замер с отвёрткой в руке.

— Настоящего?

— Парня, который умеет делать невидимые подпорки размером с обеденный поднос. За выезд просит двенадцать тысяч.

— Отмени.

Бен посмотрел на скопившиеся машины.

— А если это замок?

— Тогда вернёшь вызов и скажешь, что я тебе угрожал.

Игни открыл шкаф управления. На первый взгляд всё было чисто: новые контроллеры, аккуратные кабельные каналы, зелёные индикаторы. На второй — один из входов постоянно получал слабый сигнал, которого не должно было быть.

— Море? — спросил Бен.

— Если море научилось выдавать ровно восемь вольт, у нас проблемы интереснее моста.

Игни отключил входной модуль. Ложный сигнал остался.

Значит, источник находился не снаружи.

Он снял пластиковую панель и обнаружил за ней маленькую медную монету. На одной стороне был отчеканен профиль Первого, на другой — надпись «ДЕРЖИТ МИР».

Монета лежала между двумя контактами и замыкала их, когда мост вибрировал.

— Сувенирная диверсия, — сказал Игни.

Бен наклонился ближе.

— Такие раздавали на открытии.

— Вижу. Очень символично. Первый снова мешает городской инфраструктуре работать.

Он вытащил монету из шкафа.

Сигнал исчез.

Бен дал команду на опускание. Механизм загудел. Огромные пролёты начали медленно сходиться над водой.

Корреспондентка за стеклом развернулась к мосту.

— Мы наблюдаем неожиданное восстановление системы. Возможно, на месте работает одарённый технического класса...

Камера нашла Игни через окно будки.

Он поднял монету двумя пальцами и показал её Бену.

Корреспондентка посмотрела на рабочего в старой куртке, на отвёртку и кусок меди. Оператор отвёл камеру обратно к мосту.

— ...либо городская ремонтная бригада.

— Почти прославился, — сказал Бен.

— Переживу.

Телефон Игни завибрировал.

На экране появилось сообщение от Клэр Холт, диспетчера западного сектора:

«НЕ УЕЗЖАЙ. НОВАЯ ЗАЯВКА В ПОРТУ. И НЕ КОММЕНТИРУЙ РЕПОРТЁРАМ ПЕРВОГО».

Игни посмотрел на монету.

— Уже поздно.

Следующая заявка поступила со склада холодного хранения.

Автоматические ворота не закрывались из-за деформированной направляющей. Причиной оказался не одарённый и не саботаж, а водитель погрузчика, решивший, что предупреждающая жёлтая дуга относится к кому-нибудь другому.

Игни выправил металл, заменил ролик и отказался подписывать акт, пока начальник склада не убрал из проезда три палеты.

За ограждением работал Дариус Коул — портовый одарённый, способный перемещать металл. Он провёл рукой, и погнутая дверь поднялась сама. Дариус мог бы исправить аварию за десять секунд, но его контракт запрещал касаться городской собственности без отдельного заказа.

— Сколько вам платят за ожидание? — спросил Игни.

— Половину ставки.

— А за работу?

— В четыре раза больше, чем тебе.

— Тогда стой ровнее. Ты портишь рекламу профессии.

Дариус усмехнулся.

— Сегодня все ждут обновления рейтинга. Если Пародист станет вторым, рынок снова перекосят.

— Тебя повысят?

— Меня перестанут показывать в роликах про честный труд. Освободится бюджет.

Он кивнул на экран возле ворот. Там Пародист в облике Распада сидел в кресле ночного шоу и объяснял, как тяжело быть человеком без чувства юмора. Зрители хохотали. Настоящий Распад в кадре не появлялся.

Цифры в углу поменялись.

«ПАРОДИСТ — 12,83».

«РАСПАД — 12,82».

Часы над воротами показывали 10:03. Ведущий закричал, что история произошла прямо сейчас. Пародист стал самим собой, поклонился и поднял два пальца.

Дариус перестал улыбаться.

— Долго не продержится.

— Кто?

— Второе место.

Игни посмотрел на экран. Внизу уже шла строка: «ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАСПАДА ОТКАЗАЛИСЬ ОТ КОММЕНТАРИЕВ».

— Это всего лишь рейтинг.

Дариус перевёл взгляд на него.

— Нулевому легко говорить.

Он произнёс это без злости. Как очевидный факт.

Статус Игни не был секретом. Городские службы хранили отметку в личном деле: «Видел БС-1 непосредственно. Проявление не зафиксировано. Подтверждённый нулевой». Первые

годы это вызывало вопросы. Потом жалость. Затем стало таким же свойством, как группа крови.

Игни закрыл ящик.

— Зато мне не урежут зарплату, если кто-то переключит канал.

— Нет, — сказал Дариус. — Тебе её урезают без причины.

Дальше по набережной оставался пустой участок за сетчатым ограждением. Три года назад там стоял склад химического сырья.

Игни вызвали отключить аварийную вентиляцию, которая гнала дым к жилым кварталам. К тому времени крыша уже просела, а внутри оставались люди.

Под главной фермой стоял Габриэль Морроу. На экранах его называли Шпилем. Он умел создавать одну прозрачную колонну и тогда держал на ней почти всю крышу.

Игни видел его через выбитую стену. Серебристый плащ почернел от копоти. Обе руки дрожали, но колонна оставалась толстой, как опора эстакады.

Пожарный Дэниел Харт вернулся внутрь за последним кладовщиком. Перед этим попросил Игни не включать вытяжку, пока они не выйдут.

Потом телевизионный фургон у ворот переключил эфир. Первый удерживал пассажирский самолёт над заливом. На экране появилась его белая ладонь, и имя Шпиля исчезло.

Прозрачная колонна стала тоньше.

Габриэль закричал оператору, чтобы тот вернул камеру. Оператор слушал режиссёра в наушнике. Игни побежал к пролomu, но ферма рухнула раньше.

Кладовщика вытащили живым. Харта нашли под плитой возле выхода.

Габриэль сидел на бетоне, пока медики закрывали мешок. Игни назвал ему имя пожарного. Морроу повторил его дважды и спросил, почему они перестали смотреть.

В итоговом сообщении говорилось о потере контроля над способностью Шпиля. Переключение эфира туда не попало.

Игни помнил имя. Дэниел Харт.

К четырём часам Игни успел заменить привод вентиляции в подземном переходе, снять кошку с кабельного лотка и доказать владельцу кофейни, что его автомат выбивает пробки не из-за «электрического одарённого», а из-за трёх удлинителей, соединённых через лужу сиропа.

Последняя заявка находилась в старом портовом квартале.

Бар «Хаф-Тайд». Неисправность холодильной установки. Владелец утверждал, что продукты начнут портиться через два часа, хотя по городскому договору бар не относился ни к социальной, ни к критической инфраструктуре.

— Почему это у меня? — спросил Игни по связи.

— Потому что ты ближе всех, — ответила Клэр. — И потому что владелец четыре раза позвонил заместителю мэра.

— Он родственник?

— Поставляет ему рыбу.

— Критическая инфраструктура.

— Именно.

Игни поехал вдоль набережной.

Над крышами зажигались экраны. Пародист оставался вторым уже шесть часов. Аналитики спорили, ответит ли Распад публичным выступлением, нападением на военный объект или новой угрозой правительству. Букмекерская сеть принимала ставки.

Никто не предлагал вариант «ничего не делает».

Бар находился между закрытым магазином снастей и прачечной. Неоновая вывеска потеряла половину букв, поэтому над входом светило только «Тайд».

На двери висел старый рекламный плакат.

Молодая женщина в золотой куртке держала над головой прозрачную бочку с пивом. За её спиной бесновалась фестивальная толпа.

Снизу было написано:

«ДЖУЛИЯ УОРРЕН. ЛЮБОЙ НАПИТОК. ЛЮБАЯ ВЕЧЕРИНКА».

Кто-то чёрным маркером приписал под слоганом:

«КРОМЕ ЭТОЙ».

Игни взял ящик с инструментами и вошёл внутрь.

Глава 2 Пустая фляга

В «Хаф-Тайде» было темнее, чем снаружи.

Пахло жареной рыбой, старым деревом и лимонным средством для пола. Над стойкой висели три экрана. На двух обсуждали новое второе место Пародиста, на третьем шёл бейсбольный матч без звука.

Посетителей было четверо.

Двое докеров играли в кости у окна. Пожилой мужчина спал над тарелкой супа. У дальнего конца стойки сидела женщина с рекламного плаката.

Восемь лет изменили её меньше, чем плохой свет и дешёвая одежда. Волосы стали короче. Вместо золотой куртки — серый свитер с растянутыми рукавами. Но лицо Игни узнал сразу.

Джулия Уоррен держала стакан воды обеими руками и смотрела, как на поверхности медленно исчезает пена.

За стойкой стоял Сэм Ковальски, владелец бара. Он заметил муниципальную эмблему и поднял ладони.

— Наконец-то. Компрессор в подвале. Морозильная камера уже поднялась до двадцати восьми.

— По Фаренгейту?

— Я выгляжу человеком, который хранит рыбу при двадцати восьми по Цельсию?

— Выглядите человеком, который звонит заместителю мэра из-за холодильника.

— Он любит мою сельдь.

У окна один докер рассмеялся.

Джулия не подняла головы.

Игни поставил ящик на стойку и открыл служебное приложение.

— Кто последний трогал установку?

— Никто.

— Значит, список короткий. Вы и никто.

— Я только сбросил защиту.

— Сколько раз?

— Может, три.

— Сколько?

— Семь.

Игни закрыл приложение.

— Показывайте.

Сэм повёл его за стойку. Проходя мимо Джулии, Игни увидел, что жидкость в её стакане разделена ровной линией. Снизу прозрачная вода. Сверху — палец янтарного пива.

Она заметила его взгляд.

— Не заказывай, — сказала Джулия. — Сегодня партия плохая.

— Я на работе.

— Ещё одна причина.

Сэм открыл дверь в подвал.

— Не обращай внимания. Она здесь живёт.

— Я здесь пью, — сказала Джулия. — Живу в месте немного хуже.

◆

Холодильная установка занимала половину подвального помещения. Остальное пространство было заставлено пустыми кегами, коробками со старыми бокалами и рекламой, которую Сэм не выбрасывал по причинам, называемым им «историей заведения».

Компрессор молчал.

Игни открыл щит. Плавкие вставки были целы, контактор не срабатывал. На корпусе двигателя темнели следы перегрева.

— Семь сбросов, — сказал он. — Очень заботливо.

— Можно починить?

— Всё можно. Вопрос — до или после того, как вы окончательно сожгли обмотку.

Он отключил питание, проверил сопротивление и нашёл причину: насос конденсатора заклинило рыбной чешуёй. Фильтр не чистили столько лет, что грязь внутри приобрела собственную геологию.

— Мне нужен новый насос, — сказал Игни. — На базе есть совместимый. Привезут через час.

— Рыба не выдержит час.

— Камера держит температуру. Не открывайте дверь.

— Мне нужно брать продукты.

— Тогда открывайте и наблюдайте, как они портятся. Это свободная страна.

Сэм ушёл вверх звонить поставщику льда.

Игни снял насос и отнёс его к верстаку. В дальнем углу подвала лежали коробки с лицом Джулии. Молодая женщина в золотом появлялась на банках, флагах, картонных коронах и надувном мяче.

Один плакат сохранил дату фестиваля — через три недели после чёрного солнца.

«ПЕРВАЯ ВЕЧЕРИНКА НОВОГО МИРА».

Под плакатом стояла прозрачная бочка. Внутри скопилась пыль.

Джулия спустилась по лестнице со стаканом.

— Красивое было время, — сказал Игни.

— На фотографиях.

— Я помню рекламу.

— Все помнят рекламу. Меня — реже.

Она села на перевёрнутый ящик и поставила стакан на колено.

— Первый контракт обещал, что я никогда больше не буду покупать алкоголь, — продолжила Джулия. — Звучало выгодно. Потом выяснилось, что я вообще его не покупаю. Я его делаю восемнадцать часов в сутки и улыбаюсь людям, которые кричат «ещё».

— Вы могли отказаться.

— В двадцать четыре года? Когда тебе предлагают миллион за то, что ты десять секунд держишь ладонь на цистерне? Конечно. Любой бы отказался.

Она сказала это без злости. Как человек, слишком давно закончивший спор с собой.

— На пике я меняла двадцать тысяч галлонов за раз, — сказала Джулия. — Вода, лимонад, вино, жидкость для мытья полов. Один продюсер хотел проверить кровь. Его уволили до того, как я согласилась.

Игни посмотрел на стакан.

— А сейчас?

— Сейчас хороший день, если получается бутылка.

— Дар исчезает?

— Нет. Дар сидит внутри и делает вид, что спит. Иногда кто-то узнаёт меня на улице — и он просыпается. Если ролик снова завирусится, могу заполнить ванну. Потом люди переключатся, и останется стакан.

— Значит, рейтинг действительно влияет на силу.

Джулия усмехнулась.

— Рейтинг не влияет ни на что. Люди влияют. Рейтинг только показывает, кому принадлежит их голова.

Наверху комментатор закричал. Даже через потолок стало слышно имя Пародиста. Джулия подняла глаза.

— Двадцать лет назад второе место означало серебряную медаль. Теперь оно означает, что третий человек может уничтожить город, чтобы его вернуть.

— Вы думаете, Распад что-нибудь сделает?

— Все думают. Поэтому он уже становится сильнее.

Она коснулась стакана.

Верхняя янтарная полоса выросла на четверть дюйма и остановилась.

— Видишь? Даже разговор помогает.

Игни вернулся к насосу.

— Тогда почему обо всех одарённых не говорят постоянно?

— Потому что нас миллионы. Внимания меньше, чем желающих его получить. — Джулия посмотрела на коробки со своим лицом. — Пантеон придумал лучший способ. Десять человек заняли все экраны и объявили себя инфраструктурой. Теперь, если зритель забудет Первого, ему объяснят, что упадут самолёты. Если забудет Переносчицу — умрут дети. Если перестанет бояться Распада — он напомним.

— А если забудут вас?

— Холодильник сломается, и Сэм вызовет городского техника.

Она улыбнулась впервые.

Игни тоже.

Новый насос привезли через пятьдесят две минуты. Игни установил его, промыл фильтр и запустил систему. Компрессор вздрогнул, загудел. Температура в камере начала снижаться.

Сэм появился в подвале с ведром льда.

— Готово?

— Насос заменён. Фильтр нужно чистить раз в месяц.

— Я чищу.

Игни показал ему комок чешуи размером с кошку.

— Тогда заведите кошку поменьше.

Сэм подписал акт, не читая.

Пока Игни собирал инструменты, на экране телефона пришло уведомление:

«ПАРОДИСТ УДЕРЖИВАЕТ ВТОРОЕ МЕСТО ДЕВЯТЫЙ ЧАС. ГДЕ РАСПАД?»

Под заголовком была фотография закрытой двери без ручки. Репортёры утверждали, что за ней находятся личные апартаменты Топ-2.

Джулия увидела экран.

— Не нравится мне тишина.

— Возможно, он спит.

— Такие люди не спят, когда о них перестают говорить.

Сэм понёс лёд наверх. Джулия пошла следом, но остановилась у лестницы.

— Поможешь?

Она показала на старый стеллаж. Одна ножка провалилась между досками пола, и коробки опасно накренились.

Игни подставил плечо. Вместе они сняли верхние коробки. Из одной выпала металлическая фляга на цепочке.

На боку сохранился выцветший логотип пивной компании и автограф Джулии.

Она подняла флягу.

— Первые двадцать тысяч штук раздавали бесплатно. Потом продавали за девяносто девять долларов.

— Она пустая.

— Именно поэтому не протухла.

Джулия встряхнула её и протянула Игни.

— Выброси в металл. Мне не хочется снова тащить наверх.

Игни взял флягу.

Холод ударил под рёбра.

Не температура металла. Что-то другое.

На мгновение подвал исчез.

Он услышал десятки тысяч голосов. Толпа скандировала имя Джулии. Жар прожекторов лежал на лице. В нос бил запах пива, пота и мокрой травы. Руки держали прозрачную цистерну, внутри которой вода темнела огромной янтарной волной.

Потом звук оборвался.

Игни стоял в подвале и сжимал флягу.

От неё к Джулии тянулось что-то тонкое, почти невидимое. Не свет и не нить. Скорее ощущение натянутой лески, которую нельзя было увидеть глазами, но можно было почувствовать пальцами.

Леска дрожала.

Большая часть уходила к женщине на лестнице. Маленький обрывок оставался внутри фляги.

Игни разжал руку.

Фляга упала на пол.

— Что случилось? — спросила Джулия.

— Статикой ударило.

— Металлическая фляга на деревянном полу?

— Очень хорошая статика.

Она подняла флягу сама.

Ничего не произошло.

— Ты побледнел.

— В подвале душно.

— Холодильник только что починили.

Игни наклонился, взял флягу второй раз и приготовился к удару.

Вместо него почувствовал сопротивление.

Остаток внутри металла потянулся к ладони. Слабый, почти исчезнувший. Он не просил и не отталкивал. Просто существовал — след тысяч прикосновений, криков и одного дара, который когда-то заполнял стадионы.

Игни подумал, что нужно отпустить.

Сделал обратное.

Потянул.

Леска вошла под кожу.

Вкус дешёвого пива заполнил рот. Толпа ударила в голову одним общим голосом. Игни опёрся рукой о стеллаж.

Джулия схватила его за локоть.

— Эй.

Связь между ней и флягой осталась. Игни чувствовал её — такую же слабую, но целую. Он ничего не оторвал от Джулии. Взял только обрывок, который уже отделился и медленно исчезал.

— Всё нормально, — сказал он.

— Вы, городские, всегда так говорите перед тем, как упасть?

Игни выпрямился.

Внутри появилось новое пространство.

Маленькое. Тёмное. Закрытое.

За дверью шумел фестиваль.

— Переработал, — сказал он.

Джулия смотрела ещё несколько секунд, затем протянула флягу.

— Всё-таки выбросишь?

— Оставьте. Может, снова подорожает.

— Тогда забирай. Считай чаевыми.

Игни не хотел снова касаться металла.

Но взял.

На этот раз леска не появилась. Внутри фляги больше ничего не осталось.

В два часа ночи Игни сидел на кухне перед шестью одинаковыми стаканами воды.

Фляга лежала возле раковины.

Он уже проверил напряжение в розетках, содержание алкоголя в бутылке, температуру металла и собственное давление. Всё было нормальным, кроме ощущения запертой комнаты под рёбрами.

Игни коснулся первого стакана.

Ничего.

Он вспомнил фестиваль.

Не картинку — требование. Десятки тысяч людей хотели одного и того же. Ещё. Ещё. Ещё.

Дверь внутри приоткрылась.

Вода потемнела сверху вниз. На поверхности появился тонкий белый ободок.

Игни отдёргнул руку.

Процесс остановился на уровне двух глотков.

Он поднял стакан и понюхал.

Солод.

Сделал маленький глоток.

Тёплое.

Горькое.

Пиво.

Игни поставил стакан на стол.

За окном на фасаде соседнего дома Пародист улыбался с гигантского экрана. Под его лицом шла надпись:

«ВТОРОЙ УЖЕ ШЕСТНАДЦАТЬ ЧАСОВ».

Внутри Игни впервые за восемь лет проснулась способность.

А в другом конце страны человек, которого весь мир называл Распадом, открыл глаза.

Глава 3 Веспер

Распад позволил Пародисту оставаться вторым двадцать пять часов.

Первые три он провёл перед стеной из выключенных экранов.

Его апартаменты находились на сорок первом этаже здания Пантеона. Окна сделали из многослойного прозрачного композита, который он не мог разрушить одним прикосновением. Мебель отливали из керамики отдельными секциями, не соприкасавшимися друг с другом. Пол разделяли тонкие пустые швы, чтобы сила не могла пройти через всё помещение единой линией.

Официально это называлось индивидуальным архитектурным решением.

Распад называл клеткой.

На четвёртом часу Айрис Кейн прислала предложение.

«Совместное интервью. Тема: соперничество укрепляет Пантеон. Пародист вернёт третье место после рекламного блока».

Распад удалил сообщение.

На шестом часу ему предложили разрушить списанный авианосец в прямом эфире.

На девятом — военный полигон.

На двенадцатом — заброшенный район, заранее очищенный от жителей.

Он отклонял всё.

Предсказуемое разрушение давало внимание на несколько минут. Люди видели пустые здания и знали, что никто не погибнет. Страх не успевал войти под кожу. Это становилось фейерверком: громко, дорого и совершенно безопасно.

Безопасность утомляла Распада.

На пятнадцатом часу он включил экран.

Пародист сидел в студии с его лицом. Повторял движения, сутулился так же, как он, и касался стального шара кончиками пальцев. Копия силы оставляла на металле серое пятно размером с монету.

Зал аплодировал.

— Видите? — сказал Пародист голосом Распада. — Главное — правильно выбрать предмет. Если взять что-нибудь достаточно маленькое, никто не заметит разницы.

Публика засмеялась.

Распад провёл пальцем по краю керамического стола.

Материал начал крошиться. Раньше для этого требовалось положить ладонь и удерживать несколько секунд. Сейчас страх сотрудников за стеной и миллионы разговоров о падении рейтинга открывали силу быстрее.

Он чувствовал людей в коридоре. Охранник у лифта думал, выдержит ли дверь. Девушка из медиаслужбы мысленно повторяла маршрут до аварийной лестницы. Айрис, вероятно, уже готовила речь о контролируемой реакции.

Они боялись.

Но недостаточно.

В 11:03 следующего дня Распад отправил трём крупнейшим каналам одно сообщение:

«СЕГОДНЯ ВЫ ВСПОМНИТЕ, ПОЧЕМУ Я ВТОРОЙ».

Через девять секунд сообщение оказалось в эфире.

Через тридцать четыре — на фасадах городов.

Через две минуты его индекс впервые остановил падение.

Распад вышел из апартаментов.

Охрана посторонилась.

— Куда вы направляетесь? — спросила девушка из медиаслужбы.

— Напомнить.

— Айрис просила согласовать объект.

— Я согласовал.

— С кем?

Распад посмотрел на неё.

Девушка побледнела.

— С собой, — ответил он.

Небоскрёб «Веспер» стоял в центре Филадельфии.

Почти две тысячи человек работали в нём в дневную смену. Банки, юридические компании, рекламные агентства, два этажа серверов и панорамный ресторан под крышей. Башня не принадлежала государству, не производила оружие и никогда не использовалась в заявлениях Пантеона.

Именно поэтому Распад её выбрал.

Если бы он уничтожил военный объект, политики назвали бы это атакой. Если правительственное здание — протестом. Если пустой квартал — представлением.

У «Веспера» не было другого смысла, кроме людей внутри.

Он приехал без охраны.

К тому времени площадь перед башней уже заполняли репортёры. Они не знали, появится ли Распад именно здесь. Кто-то вычислил маршрут его машины, кто-то купил данные городских камер, остальные просто поехали следом.

Так работало внимание. Сначала один человек замечал угрозу. Потом тысячи боялись пропустить момент, когда она станет настоящей.

Распад вышел из автомобиля.

Микрофоны двинулись к нему.

— Почему «Веспер»?

— Что вы собираетесь разрушить?

— В здании люди!

Последнюю фразу выкрикнула женщина из местного канала. Распад остановился перед ней.

— Поэтому вы приехали?

Она не ответила.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

Служба безопасности заперла вращающиеся двери. За стеклом появились вооружённые охранники. Один держал телефон у уха, другой направил пистолет.

Распад положил два пальца на стекло.

Панель стала серой и осыпалась внутрь мелким песком.

Охранник выстрелил.

Пуля коснулась области разрушения и потеряла форму. На пол упал горячий металлический порошок.

Второй охранник бросил оружие.

— Умнее, — сказал Распад.

Он вошёл в вестибюль.

Люди уже бежали к выходам. Турникеты перешли в режим эвакуации, створки распахнулись. Распад коснулся основания первого ряда.

Серая линия прошла по металлу.

Турникеты сложились в бесформенную массу и перегородили центральные двери.

— Откройте боковые выходы! — закричал начальник охраны.

Распад мог уничтожить и их.
Не стал.

Ему нужны были выжившие. Люди, которые расскажут, как выглядело его лицо. Те, кто будет просыпаться ночью от любого треска бетона. Полная тишина после события не давала продолжения.

Он оставил два узких коридора.
Толпа бросилась к ним.

Люди падали. Через лежащих переступали. Мужчина в синем костюме застрял между створкой и стеной, когда десятки тел одновременно прижали его сзади. Распад прошёл мимо.

На площади камеры заняли позиции.
Он видел объективы через стекло.
Теперь можно было начинать.

На тридцать седьмом этаже Эллен Прайс закончила разговор с мужем словами, которые не собиралась произносить утром.

— Скажи Лили, что я люблю её.
— Ты сама скажешь. Спускайся по лестнице.
— Мы не можем. Дверь заклинило.

В коридоре сработала пожарная сигнализация. Люди толкали дверь лестничной клетки, но рама уже перекосилась. На стеновом экране шла прямая трансляция из вестибюля.

Распад стоял возле центральной колонны и смотрел в камеру.
Под его лицом рос счётчик подключений.
— Эллен, отойди от окна, — говорил муж.
— Зачем?

Он не знал.
Никто не знал, откуда начнётся разрушение.
Именно это делало страх чистым.

Распад положил ладонь на несущую колонну.
Способность вошла в бетон узкой серой жилкой.

Он мог сразу перерезать ядро у основания. Башня упала бы быстро, почти без осознания. Вместо этого направил разрушение вверх.

Первый этаж.

Арматура потеряла связь с бетоном. Камень превратился в сухую пыль, но колонна ещё держалась внешней оболочкой.

Второй.

На экране возле лифтов люди увидели серую полосу, поднимающуюся по схеме здания.

Третий.

Сигнализация сменила сообщение. Вместо просьбы сохранять спокойствие синтетический голос начал повторять:

— Немедленно покиньте здание.

Четвёртый.

Толпа на лестницах поняла, что не успевает.

Крики усилились.

Страх из здания вышел в сеть. Родственники звонили друг другу. Каналы показывали лица у окон. Ведущие пытались объяснить, какие конструкции уже потеряны. Эксперты спорили, сколько секунд осталось.

Миллионы людей думали об одном человеке.

Сила Распада расширилась.

Серая линия перестала быть узкой.

Она охватила сразу три этажа.

Восьмой.

Одиннадцатый.

Пятнадцатый.

Башня начала опускаться внутрь себя.

Не падать в сторону. Складываться, будто кто-то вытягивал из неё кости. Окна лопались кольцами. Офисные этажи садились один на другой. Воздух вырывался наружу вместе с бумагой, стеклом и людьми.

На двадцать третьей секунде крыша исчезла внутри серого облака.

Площадь накрыло пылью.

Камеры продолжали работать.

Распад стоял там же, где начал.

Обломки вокруг его тела осыпались раньше, чем касались одежды. Он слышал крики из-под завалов, автомобильные сигнализации, вой сирен и собственное имя, повторяемое в миллиардах устройств.

Индекс поднялся выше прежнего.

Пародист снова стал третьим.

Распад посмотрел на цифру и ничего не почувствовал.

Потом из-под рухнувшей стены донёлся голос.

Кто-то звал на помощь.

Распад подошёл ближе.

Под плитой лежал мужчина. Нижнюю часть тела не было видно. Он узнал Распада и замолчал.

Вот это чувство оказалось сильнее цифры.

Не страх толпы. Страх одного человека, который понял, что его жизнь зависит от решения стоящего рядом.

Распад присел.

— Пожалуйста, — сказал мужчина.

Распад положил пальцы на край плиты.

На секунду человеку показалось, что её сейчас уберут.

Плита превратилась в серую пыль и осыпалась на его грудь. Вместе с ней исчезла часть конструкции, удерживавшей верхние обломки.

Они рухнули следом.

Голос оборвался.

Распад выпрямился.

После «Веспера» ему нравился уже не только страх.

Ему нравилось знать, что каждый исчезнувший голос исчез по его решению.

Первые предварительные цифры появились через четыре минуты.

Через сутки число остановится на шестистах четырнадцати.

Распад запомнит его без подсказки.

Он пошёл к соседней башне.

Репортёры следовали на расстоянии. Полицейские машины перекрывали улицы, но никто не вышел навстречу. В небе зависли военные вертолёты. Оружие на них существовало для успокоения зрителей.

Распад поднял глаза.

Первый опускался между зданиями.

Белый костюм оставался чистым даже в облаке пыли. Осколки стекла замедлялись возле него и уходили в стороны. Он приземлился в разрушенном атриуме соседней башни.

Камеры повернулись к нему.

Индекс Первого вырос.

— Ты долго, — сказал Распад.

— Я был здесь до обрушения.

Улыбка исчезла с лица Распада.

— Тогда почему не остановил?

— Хотел узнать, остановишься ли ты сам.

— Узнал?

— Да.

Распад коснулся пола.

Серая волна пошла по мрамору к ногам Первого. Он уменьшил вес разрушенных плит, поднял их в воздух и разорвал непрерывную поверхность. Линия распада остановилась у пустоты.

Распад положил ладонь на колонну.

Разрушение поднялось по ней и перешло на потолок. Первый увеличил вес верхней секции. Она рухнула между ними, но стала почти невесомой за фут до земли.

Сила Распада искала путь.

Сталь. Камень. Стекло. Человеческое тело.

Он мог прекратить структуру всего, к чему прикасался.

Вес не был материалом.

Давление не имело поверхности.

Первый поднял один палец.

Тело Распада стало тяжелее.

Колени ударились о стеклянную крошку. Кости выдержали первый толчок. Второй раздробил обе коленные чашечки. Распад попытался опереться ладонями, но руки вдавило в пол.

Он разрушил покрытие под собой.

Первый увеличил давление воздуха.

Невидимая тяжесть прижала лицо Распада к пыли. Вдох стал невозможным. Он открыл силу шире, уничтожил остатки пола, арматуру, трубы, фундамент под атриумом.

Давление осталось.

Первый подошёл ближе.

— Ты второй не потому, что тебя бояться, — сказал он.

Распад не мог ответить.

— Вторым тебя делаю я.

Камеры потеряли изображение. Первым исчез городской поток, затем новостные дроны. Пантеон перекрыл эфир, оставив атриум без свидетелей.

Внимание не пропало сразу, но стало рассеянным. Люди обсуждали обрушение, погибших, Первого. Имя Распада всё ещё звучало — уже не единственное.

Сила ослабла.

Давление выросло.

Перед глазами потемнело.

Распад впервые за много лет попросил:

— Отпусти.

Первый наклонился.

— Прикоснёшься ко второй башне — следующий вдох станет последним.

Давление исчезло.

Распад остался лежать в стеклянной пыли.

Когда камеры вернулись, он уже стоял. Раздробленные колени удерживали медицинские фиксаторы. На лице снова появилась улыбка.

— Сегодня я продемонстрировал уязвимость современных городов, — сказал он репортерам. — Возможно, теперь правительства начнут строить лучше.

Позади него продолжали разбирать «Веспер».

В прямом эфире нашли первого живого ребёнка.

Пантеон объявил, что берёт Распада под постоянный контроль.

Через две недели за ним официально закрепят второе место.

Мир назовёт это единственным способом удерживать чудовище на коротком поводке.

Только двое будут знать правду.

Поводок держался на страхе Распада перед одним человеком.

Глава 4 Эхо

Утром 13 октября Грейхейвен говорил голосом мёртвых.

Имена погибших читали на всех каналах. Между именами крутили один и тот же ролик: башня «Веспер» складывается внутрь себя, фасад лопается серой волной, люди на площади сначала задирают головы, а потом бегут. Запись обрывалась прежде, чем облако накрывало камеру.

Игни выключил телевизор.

Через три секунды включил обратно.

Шестьсот четырнадцать.

Цифра стояла в нижней части экрана рядом с фотографией улыбающегося Распада. Пантеон выбрал кадр, сделанный до разрушения, — чистый костюм, спокойное лицо, пустые руки. Под снимком шла надпись: «ИНЦИДЕНТ В ВЕСПЕРЕ: МЕЖДУНАРОДНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ».

Инцидент.

Игни представил человека, который придумал это слово, выдохнул с облегчением и отправил согласованный титр в эфир.

На кухонном столе перед ним стояли три одинаковых стакана.

В первом была вода.

Во втором — жидкость цвета дешёвого янтаря с тонкой шапкой пены.

В третьем лежали осколки стекла.

— Итого, — сказал Игни вслух. — Один успех, одна хрень и один стакан я разбил от страха.

Он не спал почти всю ночь.

Сначала решил, что пиво в стакане Джулии попало во флягу раньше. Потом вымыл её кипятком, средством для посуды и щёткой, которая теперь пахла старым баром. Налил чистую воду. Положил ладонь на металл.

В первый раз ничего не произошло.

Во второй у воды появился запах хлебной корки.

В третий она потемнела на два тона, покрылась пеной и стала горькой. Игни сделал глоток, убедился, что это действительно пиво, и несколько минут сидел неподвижно, прислушиваясь к тому, как внутри него кто-то смеётся.

Смех не был звуком.

Он ощущался памятью тела: горячая сцена под босыми ступнями, тысячи поднятых стаканов, гул имени, которое толпа растягивала на три слога.

Джу-ли-я.

А потом — тишина пустой гримёрки. Липкий стол. Чужой плакат, наклеенный поверх её лица.

Игни отдёргнул руку, и стакан упал.

Теперь он смотрел на оставшееся пиво и старался не думать о том, что способен выпить чужое забвение.

Телефон завибрировал.

Клэр Холт звонила третий раз.

— Ты жив? — спросила она вместо приветствия.

— Пока да.

— Хорошо. Значит, у тебя есть двадцать минут, чтобы оказаться на базе.

— Сегодня мой выходной.

— Вчера был «Веспер».

— «Веспер» был в Филадельфии.

— А паника — везде. Половина города решила, что каждый скрип в стене означает атаку Распада. Вторая половина решила срочно проверить все здания. У нас сто сорок две заявки, шесть ложных эвакуаций и один мужчина, который позвонил в аварийную службу, потому что его тостер «издаёт структурно опасный звук».

— Пусть вытащит хлеб.

— Он уже вытащил. Тостер продолжает молчать угрожающе.

Игни посмотрел на флягу.

— Двадцать пять минут.

— И захвати новые ботинки. В твоих подошва расходится.

Он опустил глаза.

Правый рабочий ботинок действительно раскрылся у носка, будто пытался что-то сказать.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела их вчера. Заедь к Майлзу на Уэст-Харбор. У города с ним контракт.

Клэр отключилась.

Игни вылил пиво в раковину. На секунду ему показалось, что жидкость сопротивляется — не течёт, а цепляется за стенки. Потом запах исчез, и осталось только ржавое пятно возле слива.

Флягу он сунул во внутренний карман куртки.

Оставить её дома было разумнее.

Именно поэтому он взял её с собой.

На улицах Грейхейвена стало больше людей и меньше разговоров.

Толпы стояли возле экранов, установленных на автобусных остановках, в витринах кафе и над входами в станции. Башня падала снова и снова. Кто-то снимал экраны на телефон. Кто-то снимал тех, кто снимал экраны.

У здания окружного суда трое активистов держали плакат: «СТРАХ — ЭТО ЕГО ТОПЛИВО».

Напротив них продавец разложил на складном столе футболки с серым силуэтом «Веспера». На одной было написано: «23 СЕКУНДЫ».

Игни остановился.

— Быстро работаешь, — сказал он.

Продавец пожал плечами.

— Спрос есть.

— Там люди умерли.

— Люди всегда умирают. Размер какой?

Игни пошёл дальше.

На перекрёстке женщина плакала в камеру, рассказывая, что её двоюродный брат работал в «Веспере». За её спиной двое подростков пытались повторить позу Распада перед началом обрушения. Один вытягивал ладонь к зданию. Второй снимал.

Индекс Распада в утреннем рейтинге вырос на двадцать семь процентов.

К восьми часам специальная комиссия Пантеона заявила, что всплеск является «технической реакцией системы на глобальный общественный шок» и не означает одобрения действий.

К девяти часам букмекеры начали принимать ставки, догонит ли Распад Первого.

Игни свернул с Бейкер-авеню в старую часть Уэст-Харбора. Здесь город становился ниже и честнее. Кирпичные склады не пытались казаться вечными. Ржавчина не пряталась под экранами. Между мастерской по ремонту лодочных моторов и закрытой прачечной висела вывеска:

«MYLES & SONS. РАБОЧАЯ ОБУВЬ С 1964 ГОДА».

Слово «SONS» было заклеено серой лентой.

Колокольчик над дверью звякнул так, будто не ожидал посетителя.

Внутри пахло кожей, резиной и пылью. Коробки стояли до потолка. На стенах висели фотографии пожарных, портовых рабочих, строителей и людей в форме аварийной службы. Почти у всех ноги были расставлены чуть шире плеч, чтобы ботинки лучше попадали в кадр.

За прилавком сидел мужчина лет шестидесяти с густыми седыми бровями. Он читал бумажную газету. На первой полосе был «Веспер».

— Городская служба, — сказал Игни, показывая удостоверение. — Мне сказали, у вас контракт.

— У города со мной долг, — ответил мужчина. — Контракт закончился в январе.

— Клэр Холт сказала, что действует.

— Клэр Холт умеет заставить действовать даже мёртвый контракт.

Мужчина отложил газету и посмотрел на ботинки Игни.

— Размер?

— Десятый с половиной.

— Нет.

— Что — нет?

— Правая десять с половиной. Левая почти одиннадцать. Свод просел. Ты давно так ходишь?

— С тех пор как начал ходить.

— Тогда у тебя было меньше веса и больше хрящей. Садись.

На его рубашке было вышито имя: ЭВАН.

Игни сел на низкую скамью. Эван опустил перед ним, снял мерку и провёл большим пальцем вдоль старой подошвы.

— Эти ботинки убили месяца три назад, — сказал он. — Ты просто не сообщил телу.

— Оно не спрашивало.

— Тело редко спрашивает. Потом выставляет счёт.

Эван ушёл между стеллажами.

Игни расстегнул куртку. Фляга упиралась в рёбра. С тех пор как он вошёл, металл становился то холодным, то тёплым.

Он медленно осмотрел магазин.

Возле кассы стояла картонная фигура молодого Эвана. На ней мужчина лет тридцати улыбался, держа в каждой руке по ботинку разного размера. Над головой шёл выцветший слоган:

«ЛЮБОЙ РАЗМЕР. В ЛЮБОЙ МОМЕНТ».

В нижнем углу сохранился логотип шоу «АМЕРИКА ПОСЛЕ СОЛНЦА».

Игни поднялся.

За фигурой висели фотографии, которых он сначала не заметил.

Эван на сцене. Эван в прозрачном бассейне. Эван в обтягивающем серебряном костюме. Эван босиком поднимает ногу перед смеющейся публикой, а ступня становится вдвое длиннее.

На следующем снимке он стоял рядом с ведущим, державшим туфлю размером с небольшую лодку.

На последнем — открывал этот магазин. Перед дверью тянулась очередь вокруг квартала.

Теперь в помещении находился один покупатель.

— Нашёл музей ошибок? — спросил Эван.

Он вернулся с двумя коробками.

— Вы были одарённым.

— Был?

— Извините.

— Не извиняйся. Это грамматически спорно, но практически верно.

Эван поставил коробки на скамью.

— После чёрного солнца я мог сделать ступню какой угодно. Хоть детской, хоть такой, что в дверь не пролезет. Очень полезно, если ты всю жизнь мечтал пугать продавцов обуви.

— А бассейн?

Лицо Эвана осталось спокойным. Только руки на секунду замерли на шнурках.

— Первый прямой эфир. Продюсер сказал: нужна неожиданность. Они намазали плитку маслом и попросили меня пробежать босиком. Я упал. Нога от страха выросла и застряла в декоративной решётке. Сломал три пальца.

— Публика смеялась.

— Публика думала, что так задумано.

Эван усмехнулся.

— На следующий день у меня было четыре миллиона подписчиков. Через неделю — контракт с обувной сетью. Через год они выпускали тапки в форме моих ступней. Дети носили их на Хеллоуин.

Он протянул Игни новый ботинок.

— А потом?

— Потом появился человек, который мог летать. Потом женщина, которая лечила рак, передавая его себе. Потом Распад снёс стадион в Каракасе, когда там, к счастью, никого не было. Моя нога проиграла конкуренцию.

— Способность исчезла?

— Почти.

Эван сел напротив и снял правый ботинок. На ноге был серый носок с дырой у большого пальца.

— Смотри внимательно. Представление проводится раз в пять лет и только для муниципальных служащих.

Он нахмурился.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом носок натянулся. Большой палец сдвинулся вперёд примерно на дюйм.

Эван выдохнул и откинулся на спинку стула. На виске выступил пот.

— Раньше мог увеличить обе ноги в четыре раза и бегать так по сцене, — сказал он. — Сейчас один палец. Если повезёт.

Фляга в кармане Игни стала ледяной.

Нет.

Не фляга.

Холод шёл от стены.

От старого рекламного ботинка под картонной фигурой.

Игни увидел его теперь так же ясно, как аварийную лампу в тёмном тоннеле. Белая кожа пожелтела. На боку сохранилась подпись Эвана и номер 37 1/2. Воздух вокруг подошвы едва заметно дрожал.

— Можно посмотреть? — спросил Игни.

Эван проследил за его взглядом.

— Забирай. Всё равно выбросить собирался.

— Я только посмотреть.

Игни присел и коснулся носка ботинка.

Магазин исчез.

Под босой ногой была мокрая плитка.

Яркий свет бил в глаза. Ведущий кричал что-то весёлое. Масло под подошвой. Падение. Хруст пальцев, затерявшийся в музыке.

И смех.

Двадцать тысяч человек смеялись, пока Эван пытался вытащить раздутую ступню из решётки.

Боль стала частью номера.

Паника — удачной импровизацией.

Тело больше ему не принадлежало. Режиссёр просил повторить увеличение крупным планом. Визажист пудрил костяшки. Юрист объяснял, какой процент с продажи тапок получит человек, чья сломанная нога была отсканирована для формы.

А затем свет погас.

Не сразу. По одной лампе.

Миллионы превратились в тысячи. Тысячи — в десятки. Последний журналист пришёл не брать интервью, а спросить, не обидно ли Эвану быть забытым.

Игни почувствовал, как что-то отделилось от ботинка.

Оно прошло сквозь пальцы без света и звука. Поднялось по руке. Застряло под ключицей рядом с горьким фестивальным жаром Джулии.

Два чужих ощущения столкнулись внутри него.

Толпа подняла стаканы.

Толпа засмеялась.

Игни отшатнулся и сел на пол.

— Эй.

Эван оказался рядом.

— Ты белый как стена. Сердце?

— Статическое электричество.

— От кожаного ботинка?

— Очень сильное.

Эван посмотрел на него долгим взглядом.

— Нулевой? — спросил он.

Игни не сразу понял.

— Что?

— После солнца проверяли?

— Четыре раза.

— И ничего.

— Ничего.

— Значит, сердце.

Он помог Игни подняться и больше не спрашивал.

Игни надел новые ботинки. Левая нога вошла легко. Правая упёрлась пальцами в носок.

— Странно, — сказал Эван. — Минуту назад мерил.

Игни почувствовал, как внутри дрогнуло новое эхо.

Не ступня выросла.

Только большой палец.

Он стал длиннее почти на дюйм.

Игни резко поджал его. Эхо отпустило, палец вернулся к прежнему размеру.

Эван смотрел на ботинок.

— Что? — спросил Игни.

— Ничего.

— Вы тоже это видели.

— Я видел, что обувь иногда садится не сразу.

— Эван.

— Девяносто четыре доллара. Город оплатит шестьдесят. Остальное с тебя.

Он ушёл за прилавок.

Игни поднял старый рекламный ботинок.

Внутри больше ничего не было.

Но и Эван не выглядел слабее. Он двигался так же, дышал так же. Его изменившийся палец оставался изменившимся ещё несколько секунд, затем носок снова обвис.

Игни не забрал силу.

Он забрал то, что уже отделилось.

— Отдайте и его, — сказал он.

— Зачем?

— Проверю статическое электричество.

Эван впервые улыбнулся по-настоящему.

— Бесплатно. Но если выяснишь, почему оно бьёт только нулевых, вернёшься и расскажешь.

На базе аварийной службы телевизор висел над шкафом с аптечками.

Его никто не смотрел, но никто не выключал.

Распад давал заявление из медицинского центра Пантеона. Камера снимала его по пояс, чтобы фиксаторы на коленях не попадали в кадр.

— Я сожалею о неизбежных жертвах, — говорил он. — Однако «Веспер» был символом преступной беспечности. Моё действие спасёт миллионы в будущем.

За спиной Игни кто-то бросил гаечный ключ на стол.

— Он говорит, будто проводил инспекцию, — сказала Клэр.

Она стояла в дверях диспетчерской с бумажным стаканом кофе. Тёмные волосы были собраны карандашом. Под глазами лежали тени человека, который всю ночь объяснял горожанам, что их дома не распадаются.

— Пантеон уже нашёл инженера, который подтвердит его версию, — ответил Игни.

— Нашёл двенадцать. Остальные инженеры сегодня очень заняты отказом от интервью.

На экране репортёр спросил Распада, боится ли он последствий.

Тот наклонился к микрофону.

— Я не боюсь людей, которые могут только обсуждать последствия.

Игни услышал, как в помещении стихли разговоры.

Распад улыбнулся.

— А тем, кто собирается мне угрожать, советую сначала проверить, хорошо ли держатся стены вокруг них.

Клэр выключила телевизор.

— Всё, — сказала она. — Теперь он не получит от нас ещё восемь зрителей.

— Семь. Пит спит.

В углу действительно храпел ночной диспетчер.

Клэр заметила пакет с новыми ботинками.

— Майлз жив?

— Более-менее.

— Все мы более-менее. Третий фургон, смена с Омаром. Проверьте старую насосную на Ривер-стрит, потом ложное проседание у школы Святого Винсента.

— Ложное?

— Директор прислал фотографию трещины. На втором фото видно, что это нарисовано маркером.

— Тогда зачем ехать?

— Родители уже устроили прямую трансляцию. Если мы не приедем, к вечеру там будет Распад.

Она протянула ему планшет.

— И что у тебя в пакете, кроме ботинок?

— Мусор.

— Понятно. Личная жизнь нулевого.

Игни взял планшет.

Слово зацепило сильнее, чем раньше.

Нулевой.

Восемь лет оно означало отсутствие. Теперь внутри него находились две невозможные вещи, принадлежавшие людям, которых мир когда-то любил.

Одна могла превратить несколько глотков воды в плохое пиво.

Другая — увеличить один палец.

Если это и было началом величия, оно очень старалось выглядеть как издевательство.

В насосной на Ривер-стрит Игни впервые попробовал вызвать эхо намеренно.

Омар спустился проверять обратный клапан. Игни остался наверху возле шкафа управления. В помещении пахло рекой и горячей проводкой. За бетонной стеной проходила магистраль, снабжавшая водой три квартала.

Он снял правый ботинок.

— Если ты сейчас занимаешься тем, чем мне кажется, — крикнул Омар снизу, — я увольняюсь.

— Проверяю размер.

— На работе?

— Размер меняется в течение дня.

— У белых людей слишком много свободного времени.

Игни поставил ногу на холодный бетон и сосредоточился.

Внутри было две двери.

Одну открывал запах пива и жар прожекторов.

Вторую — мокрая плитка и смех.

Он выбрал вторую.

Большой палец вырос.

Игни удерживал его, считая секунды.

Одиннадцать.

Двенадцать.

На тринадцатой секунде ступню свело судорогой. Палец дёрнулся ещё на полдюйма. Кожа натянулась до боли.

Он попытался остановить способность.

Эхо не отпустило.

Палец продолжал расти.

Игни вцепился в край шкафа. Перед глазами вспыхнула сцена: решётка, зажавшая раздутую ступню Эвана. Смех. Ведущий просит крупный план.

— Хватит, — прошептал Игни.

Ничего.

Тогда он потянулся к первому эху.

Фестивальный жар ударил в грудь. Вода в открытой бутылке на шкафу потемнела. Пена хлынула через горлышко.

Два следа столкнулись.

Судорога исчезла.

Бутылка лопнула.

Палец вернулся к обычному размеру так резко, что Игни потерял равновесие и ударился плечом о панель.

Сработала аварийная сирена.

— Какого чёрта ты сделал? — крикнул Омар.

— Ничего!

— Это мой любимый тип ответа во время сирены!

Игни натянул ботинок и закрыл дверцу шкафа. На панели мигал красный индикатор: падение давления в южной линии.

— Это не я, — сказал он.

Из нижнего уровня донёлся грохот.

Омар выругался.

Игни сбежал по металлической лестнице. Главная труба дрожала в креплениях. Стрелка манометра падала. Вода била из соединения тонкой струёй.

— Уплотнение порвало, — сказал Омар. — Перекрываем второй контур.

Они работали семь минут.

Обычная авария. Обычные инструменты. Обычный страх не успеть раньше, чем трещина разойдётся.

Когда клапан закрылся, Игни сел на мокрый пол. Левая рука дрожала. В груди было пусто, будто он не спал несколько суток.

Омар посмотрел на разбитую бутылку наверху, потом на него.

— Ты точно в порядке?

— Да.

— Ты сказал это лицом человека, который только что увидел счёт за коммуналку.

— Не выпался.

Омар протянул руку и помог ему подняться.

— После «Веспера» никто не выпался.

Игни не стал объяснять, что башня тут ни при чём.

Два эха одновременно едва не вывели его из сознания.

И всё, что они сделали, — испортили воду и увеличили палец.

Он представил, что случится, если чужих следов станет десять.

И впервые подумал не о том, как найти следующий.

А о том, как не дать ему найти себя.

◆

Поздним утром Джулия прислала одно сообщение:

«Флягу выбросил?»

Игни долго смотрел на экран.

Написал: «Да».

Удалил.

Написал: «Нет».

Тоже удалил.

Телефон зазвонил раньше, чем он выбрал ложь.

На экране высветилось: КЛЭР ХОЛТ.

— Только не тостер, — сказал Игни.

— Фултонский тоннель. Столкновение автобуса и технической машины. Возможен пожар. Система вентиляции не отвечает.

Он уже натягивал куртку.

— Сколько людей?

— Автобус шёл от арены. По списку — сорок восемь пассажиров. Связь пропала две минуты назад.

— Пожарные?

— Едут с западного входа. Ты ближе всех к восточному.

Игни схватил сумку с инструментами.

Внутренний карман оттянула фляга. Из бумажного пакета торчал белый рекламный ботинок Эвана.

Два бесполезных дара.

Два забытых человека.

Сорок восемь пассажиров под землёй.

— Игни, — сказала Клэр. — Ты меня слышишь?

Он вышел на лестницу и захлопнул дверь.

— Слышу.

Где-то глубоко под рёбрами фестивальная толпа подняла стаканы.

Другая толпа засмеялась над сломанной ногой.

На этот раз оба эха проснулись сами.

— Я уже еду.

Глава 5 Горючее

Аварийное освещение в тоннеле не работало. Штатные фонари горели только над въездом.

Дневной свет проникал только со стороны въезда и вяз в дыму. Дальше мигали красные фонари остановившихся машин. Люди двигались между ними чёрными силуэтами.

Игни надел светоотражающий жилет и достал из фургона аптечку, огнетушитель и длинный монтировочный лом.

Игни побежал к дыму.

Городской шаттл стоял поперёк тоннеля. Передняя часть врезалась в борт жёлтого ремонтного грузовика, развернувшегося у стены. Удар пришёлся в водительскую сторону. Лобовое стекло шаттла покрылось белой сеткой. Одна фара ещё горела.

Пассажирские двери открылись не до конца и зажали мужчину в синей куртке. Другие пассажиры пытались тянуть створки руками.

— Не тяните его! — крикнул Игни. — Сначала освободите одежду.

Он подбежал, просунул лом между створками и надавил. Дверь не двигалась. Пневматический привод заклинило после удара.

Мужчина между створками тяжело дышал. Его куртка собралась на груди, сдавливая горло.

— Разрежьте ткань, — сказал Игни женщине внутри. — Нож есть?

Она достала складной нож из сумки. Игни удерживал створки ломом, пока женщина вспарывала куртку. Мужчину вытащили внутрь салона.

— Теперь все через задний выход. Не бегите. Помогайте тем, кто рядом.

— Водитель не отвечает, — сказала женщина.

— Сколько людей внутри?

— Не знаю. Человек десять. Может, двенадцать.

Из глубины тоннеля донёсся хлопок. Фонари над въездом погасли на секунду, затем загорелись снова.

Игни почувствовал запах бензина.

Не дизельного топлива из бака грузовика. Резкий, сладковатый запах автомобильного бензина.

Он поднял огнетушитель и пошёл к месту столкновения.

В кузове ремонтного грузовика лежал переносной генератор. При ударе его сорвало с креплений. Красная канистра раскололась, и бензин стекал по наклонному полу, капал на дорогу и собирался в водоотводной канавке.

В тридцати футах впереди повреждённый кабель дорожной системы бился о стену. При каждом касании сыпались искры.

Тонкая блестящая струйка медленно ползла к нему по канавке.

Из кабины ремонтного грузовика донёсся удар.

За разбитым боковым стеклом показалось лицо мужчины в оранжевой рабочей куртке. Рулевая колонка прижимала его к сиденью. Он не мог повернуть голову и бил по двери разводным ключом.

— Здесь! — крикнул он. — Я здесь!

Игни подбежал к кабине. Дверь вмяло внутрь, а шаттл упирался в неё передним бампером. Если убрать автобус, кабину можно будет разрезать. Если автобус сдвинется сам, металл сложится вокруг водителя.

На нашивке мужчины было написано «ЛУИС ОРТЕГА».

— Пожарные уже едут, — сказал Игни. — Не двигайтесь.

— Отличный совет.

Луис попытался улыбнуться. Из уголка рта потекла кровь.

Игни проверил пульс на его шее через разбитое окно. Быстрый, но ровный.

— Сначала отключу кабель. Потом вернусь.

— Только автобус не двигай.

Игни посмотрел на шаттл, медленно сползавший по уклону.

— Не буду.

Игни нажал кнопку рации.

— Диспетчер, Фултон. Подтверждаю разлив бензина, повреждён силовой кабель. Нужна немедленная остановка питания сектора F-3.

Ответила Клэр:

— Команда не проходит. Шкаф управления в тоннеле.

Игни посмотрел на стену за шаттлом. Серый шкаф находился там, почти полностью перекрытый автобусом.

— Вижу.

— Пожарные в трёх минутах.

Струйке требовалось меньше.

— Отключайте весь западный тоннель.

— Тогда погаснут насосы.

— Если бензин доберётся до кабеля, насосы всё равно погаснут.

В наушнике слышались голоса. Клэр спорила с координатором транспортной сети.

Игни опустился возле канавки. До бензина было футов пятнадцать. Он мог засыпать путь абсорбентом, но мешок находился в фургоне. Огнетушитель остановил бы пламя после вспышки, не саму жидкость.

Внутри отозвалось эхо Джулии.

Игни снял перчатку.

— Только не сейчас, — сказал он себе.

Но другого времени не было.

Он коснулся двумя пальцами блестящей струйки.

Вспомнил толпу.

Покалывание ударило по руке до плеча. В носу появился запах мокрой травы. Бензин вокруг пальцев потемнел. По поверхности побежала пена.

Изменилось не больше чашки жидкости.

Струйка продолжала прибывать сверху и толкала пиво вперёд.

Игни провёл ладонью по канавке, стараясь захватить ещё. Способность не отзывалась. Эхо внутри закрылось.

Он выиграл несколько секунд.

— Что вы сделали? — спросил кто-то рядом.

Игни поднял голову.

Молодой парень держал телефон перед лицом. На экране шла прямая трансляция. В углу быстро росло число зрителей.

— Убери телефон и отойди к выходу.

— Там была пена. Это пиво?

— Отойди.

— Вы Джулия Уоррен?

Игни посмотрел на него.

— Очень похож?

Сзади закричали.

Шаттл сдвинулся.

Его задние колёса медленно покатались по уклону. При столкновении корпус лёг на бампер грузовика, а теперь металл начал соскальзывать. Между двумя машинами оставался водитель.

Из кабины грузовика закричал Луис. Смятая дверь ушла внутрь ещё на несколько дюймов. Разводной ключ трижды ударил по металлу.

Игни посмотрел на него, потом на троих пассажиров, запертых в шаттле.

Луис тоже посмотрел.

— Детей сначала, — выдохнул он.

Игни подбежал к передней двери. Женщина с ножом уже вывела часть пассажиров, но внутри оставались трое: пожилой мужчина, девочка лет десяти и женщина в инвалидном кресле. Задняя аппарель не раскрылась. Передний выход снова заклинило.

— Откройте аварийные окна! — крикнул Игни.

— Они слишком высоко!

Шаттл качнулся ещё раз.

Игни вставил лом между створками и упёрся ногами в полосу тактильной разметки. Подошвы скользили по пыли и пролитой жидкости.

Он потянул.

Внутри открылось второе эхо.

Смех над бассейном прошёл по телу холодной волной. Ступни начали расти. Совсем немного, но новые рабочие ботинки сразу стали тесными. Пальцы упёрлись в стальные носки. Боль заставила Игни сильнее вдавить подошвы в шероховатый бетон.

Опора стала шире.

Лом сдвинулся на дюйм.

— Ещё! — крикнула женщина из салона.

Игни надавил всем весом. Шов на правом ботинке лопнул. Створки разошлись. Пневматический цилиндр заскрежетал и сдался.

Женщина внутри зафиксировала дверь аварийным молотком.

— Сначала девочку.

Игни подхватил ребёнка и передал мужчине снаружи. Затем помог пожилому пассажиру. С инвалидным креслом было сложнее. Проём оказался слишком узким.

— Ремень снимается? — спросил он.

Женщина в кресле была бледной, но отвечала спокойно.

— Да. Ноги не чувствую. Руки работают.

— Перенесу вас без кресла. Согласны?

— Если предложите остаться, откажусь.

Игни расстегнул ремень. Женщина обхватила его за шею. Когда он поднял её, шаттл снова скользнул и прижал дверь к лому.

Игни едва удержался.

Его ступни уже вернулись к обычному размеру. Эхо Эвана тоже закрылось. В теле осталась слабость, будто он пробежал несколько миль.

Мужчина с улицы помог принять пассажирку. Кресло пришлось оставить внутри.

Шаттл качнулся ещё раз.

Игни услышал, как сминается кабина грузовика. Не удар — медленный металлический стон. Разводной ключ звякнул об асфальт.

Луис больше не стучал.

— Водитель, — сказала она. — Не забудьте водителя.

Игни и не забывал.

Водитель шаттла находился между смятой панелью и рулевой колонкой. На виске темнела кровь. Он дышал, но ноги были зажаты металлом. Дверь со стороны кабины не открывалась.

С улицы донеслись сирены.

— Пожарные приехали, — сказала Клэр по рации. — Выходи оттуда.

Игни посмотрел на канавку.

Пиво, которое он создал, уже разбавилось новым бензином. Струйка находилась в шести футах от кабеля.

— Не успеют.

Он перебрался через смятое сиденье и дотянулся до аварийного выключателя шаттла. Нажал. Основная батарея отключилась, но повреждённый кабель на стене продолжал искрить — он относился к тоннелю.

Игни увидел сервисный люк в полу кабины. Под ним шёл кабельный канал, ведущий к шкафу управления. Люк был прижат обломком панели.

Он попытался сдвинуть металл. Безуспешно.

— Сколько там людей? — спросил парень с телефоном.

Он всё ещё снимал.

— Выйди из тоннеля, — сказал Игни.

— В комментариях пишут, что вы скопировали Джулию Уоррен.

— В комментариях не чувствуют запах бензина.

— Как вас зовут?

Игни не ответил.

На экране телефона было восемьсот зрителей. Через секунду стало тысяча двести. Кто-то вырезал момент, когда под пальцами Игни появилась пена, и отправил его в городскую сеть.

В комментариях возникло имя.

«ИГНАТИУС РИД. ГОРОДСКАЯ АВАРИЙНАЯ СЛУЖБА».

Следом кто-то прикрепил снимок из открытого реестра.

«СТАТУС: ПОДТВЕРЖДЁННЫЙ НУЛЕВОЙ».

Количество зрителей удвоилось.

Внутри Игни что-то открылось.

Не эхо Джулии. Оно всё ещё оставалось закрытым после первого использования. Открылась дверь, за которой находились оба эха. Давление нахлынуло сразу в руки и ступни.

Новые ботинки сжали пальцы.

Игни опустился возле канавки.

— Что вы делаете? — крикнул первый пожарный, вбегая в тоннель.

— Убираю топливо.

— Отойдите. Работает расчёт.

Игни положил ладонь в блестящую струю.

Сначала не произошло ничего.

На телефоне было четыре тысячи человек.

Потом пять.

Вспышка фестивального света ударила в глаза. Перед Игни возникла женщина в белой футболке, исчезающая под ногами толпы. Мужской голос приказал улыбаться.

Бензин под ладонью потемнел.

Пена поднялась сразу на несколько футов.

Игни закричал. Не от боли — от чужого ужаса, который оказался слишком большим для одного воспоминания. Он чувствовал девять чёрных мешков так, будто лично застёгивал каждый.

— Уберите его оттуда! — приказал пожарный.

Двое спасателей схватили Игни за плечи.

Ступни выросли внутри ботинок. Стальные носки не растягивались. Кости давили на металл, ногти впивались в кожу. Разрыв на правом ботинке расползся дальше.

— Не трогайте! — крикнул парень с телефоном. — Он меняет бензин!

— Он сейчас потеряет ноги!

Игни вырвался и снова прижал ладонь к канавке.

Восемь тысяч зрителей.

Двенадцать.

Городская сеть поставила трансляцию на главную страницу под заголовком: «НУЛЕВОЙ С ДВУМЯ ДАРАМИ?»

Игни не видел заголовка, но почувствовал момент, когда люди прочитали его имя.

Способность усилилась рывком.

Изменение пошло против течения. Бензин темнел, покрывался белой пеной и тяжёлым запахом солода. Янтарная полоса добралась до разбитой канистры. Струя из кузова начала превращаться ещё в воздухе.

Одновременно продолжали расти ступни.

Игни попытался закрыть второе эхо. Оно не послушалось. В голове смешались смех над бассейном, крики фестивальной давки и его собственное воспоминание о грохоте обрушившегося склада. На секунду он перестал понимать, чьи ноги находятся в его ботинках.

В носу стало горячо. Капля крови упала в пену и осталась кровью.

Значит, живую жидкость дар не трогал.

Мысль была нелепой, но своей. Игни ухватился за неё.

Он представил две двери. Захлопнул ту, за которой смеялся бассейн.

Ступни начали уменьшаться.

Пиво продолжало заполнять канавку.

К повреждённому кабелю поползла пена.

Искра упала в неё.

Ничего не произошло.

Пожарный рядом осторожно выдохнул.

— Теперь шкаф! — крикнул Игни. — Линия F-3, серый рычаг за шаттлом!

Расчёт протиснулся вдоль стены. Через несколько секунд тоннель погрузился в темноту.

Искры исчезли.

Загорелись фонари на касках.

Игни убрал руку и рухнул на колени. Преобразование прекратилось. В канавке ещё оставались радужные пятна бензина, но они больше не двигались к кабелю.

Телефон продолжал снимать.

На трансляции было сорок шесть тысяч зрителей.

— Он умер? — спросил кто-то в комментариях, и парень прочитал это вслух.

Игни посмотрел на смятую кабину Луиса.

— Не тот, — сказал он.

◆

Водителя извлекали двадцать семь минут.

Пожарные стабилизировали шаттл пневматическими подушками и разрезали стойку кабины. Игни показал, где проходит силовая магистраль, затем его оттеснили медики.

У водителя были сломаны обе ноги, несколько рёбер и повреждена селезёнка, но он оставался жив.

Всех пассажиров вывели. Троиخ отправили в больницу. Женщина из инвалидного кресла отказалась уезжать, пока пожарные не достали её кресло из салона.

Луиса Ортегу достали последним.

Медики начали реанимацию прямо на дороге. Через четыре минуты один из них посмотрел на часы и накрыл лицо Луиса серебристым термоодеялом.

Игни стоял в десяти шагах. На его ладони всё ещё оставалась тонкая полоска крови, которой он касался шеи Луиса.

Когда прибыла жена погибшего, полицейский не позволил ей пройти за ограждение. Она увидела оранжевый рукав под серебристой тканью и перестала вырываться.

Телефон парня продолжал вести эфир.

Сорок шесть тысяч зрителей увидели её раньше, чем оператор догадался отвернуть камеру.

Игни сидел на бордюре у въезда в тоннель. Правый ботинок разошёлся по шву. Ступни болели так, будто стальные носки продолжали сжиматься.

Медик посветил ему в глаза.

— Тошнота?

— Нет.

— Головокружение?

— Немного.

— Способность использовали?

Игни посмотрел на него.

— Почему спрашиваете?

— У одарённых после перегрузки часто разные зрачки. У вас левый больше.

Игни отвернулся от света.

— Я зарегистрированный нулевой.

— Сегодня многие обновят документы.

На экране над въездом уже шёл сокращённый ролик спасения. Игни увидел себя возле канавки, затем — девочку, которую передавали через дверь. Между этими кадрами отсутствовали две минуты.

В них Луис ещё стучал ключом по кабине.

Смерть в ролик не вошла.

Под записью появилась подпись:

«ТАИНСТВЕННЫЙ НУЛЕВОЙ СПАСАЕТ ТОННЕЛЬ».

Кто-то добавил торжественную музыку.

Репортёры ждали, пока медик закончит осмотр Игни.

— Сколько у вас способностей?

— Вы новый Пародист?

— Почему вы скрывали дар восемь лет?

— Погибший водитель стал жертвой вашей неопытности?

Последний вопрос заглушил остальные.

Игни поднял глаза на репортёра.

— Его звали Луис Ортега.

— Вы считаете себя ответственным?

— Я считаю, что его звали Луис Ортега.

Корреспондент повернулся к камере и произнёс:

— Неизвестный одарённый отказывается отвечать на вопрос о своей роли в гибели человека.

Клэр нашла Игни возле фургона.

— Почему у тебя из ботинка торчит носок?

— Производственный дефект.

— Я видела запись.

— Быстро.

— Её видела вся диспетчерская. Ты коснулся бензина, он вспенился. Потом ты раздвинул дверь, и твои ботинки стали больше.

— Ракурс.

— Игни.

Он открыл заднюю дверь фургона и положил внутрь погнутый лом.

— Я сам не понимаю.

Клэр понизила голос.

— У тебя две способности?

— Нет.

— На записи две.

— Они не мои.

— Это худший ответ из возможных.

Со стороны тоннеля шёл сотрудник полиции. Рядом с ним находилась женщина в тёмно-синем пальто без формы. На лацкане блестел серебристый знак Федерального бюро регистрации одарённых.

Клэр увидела их.

— Что бы у тебя ни происходило, придумай объяснение быстрее.

Женщина остановилась перед Игни.

— Игнатиус Рид?

— Игни.

— Специальный инспектор Мара Восс. Федеральное бюро регистрации.

Она показала удостоверение, но не дала взять его в руки.

— В 2029 году вы получили окончательный статус нулевого.

— Получил.

— Этот статус только что вызвал несколько вопросов.

За спиной инспектора репортёры снова закричали имя Игни.

На разбитом экране над въездом в тоннель шла запись спасения. Игни увидел себя на коленях возле канавки. Изображение приблизили. Под пальцами темнела жидкость, появлялась пена.

В нижней части экрана возникла надпись:

«НЕИЗВЕСТНЫЙ ОДАРЁННЫЙ ИСПОЛЬЗОВАЛ СПОСОБНОСТЬ ДЖУЛИИ УОРРЕН?»

Слово «неизвестный» продержалось ещё несколько секунд.

Затем его заменили.

«ИГНАТИУС РИД, ГОРОДСКОЙ ТЕХНИК».

Покалывание прошло сразу по обеим рукам.

Два эха внутри Игни открылись одновременно.

Мир наполнился криком фестивальной толпы и смехом, звучащим из-под воды.

Боль ударила в виски.

Из бутылки в руке инспектора с шипением полезла пена.

Правый ботинок Игни лопнул окончательно.

Глава 6 Протокол

Пена медленно стекала по пальцам Мары Восс.

Несколько секунд никто не двигался. Полицейский рядом с ней смотрел на бутылку, потом на ботинок Игни, потом снова на бутылку, словно пытался выбрать происшествие, за которое следует взяться первым.

— Это ваше? — спросила Мара.

— Бутылка?

— То, что из неё выходит.

Игни хотел сказать, что нет. Это было бы правдой в том смысле, в каком молоток не принадлежит руке, пока рука его не подняла. Но за спиной инспектора уже разворачивалась камера. Красный огонёк загорелся над объективом, и вместе с ним внутри Игни снова натянулись две струны.

Он сжал пальцы.

Пена перестала расти.

— Теперь моё, — сказал он.

Мара закрутила крышку. Её лицо не изменилось.

— В машину.

— Я на работе.

Она посмотрела на его разорванный ботинок.

— Уже нет.

Клэр шагнула вперёд.

— Он сотрудник городской аварийной службы. Если вы его задерживаете, мне нужно основание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.